

О СПОСОБАХ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ СУДАМИ ДЕФЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Анализируются закрепленные в российском законодательстве правовые возможности преодоления дефектов нормативных актов, которые могут быть реализованы в рамках деятельности органов судебной власти Российской Федерации. Проведенное исследование показало, что предусмотренные в законодательстве способы осуществления судебной деятельности не имеют своей непосредственной целью выявление дефектов подлежащих применению нормативных правовых актов, а также их устранение с помощью различных способов толкования. Такая ситуация не в последнюю очередь связана с советскими правовыми традициями, частью которых является неограниченная свобода законодателя. Несмотря на принципиальные социально-экономические и политические изменения в нашей стране, расширение контрольных функций органов судебной власти, указанные традиции продолжают существовать и поддерживаться.

Ключевые слова: судебная власть, судебное толкование, судебный нормоконтроль, конституционный контроль.

E.I. Devitskii

IDENTIFICATION AND ELIMINATION BY COURTS OF DEFECTS OF LEGISLATION

The article analyzes the legal possibilities of overcoming the defects of legislation as a result of the activities of the judicial authorities of the Russian Federation. It is established that the forms of administration of justice provided for in the legislation do not have the direct purpose of identifying defects in the normative legal acts to be applied, as well as their elimination through various methods of interpretation. Not least of all, this is due to the Soviet legal traditions, part of which is the unlimited freedom of the legislator. Despite the fundamental socio-economic and political changes in our country, the expansion of the control functions of the judiciary, such traditions continue to exist.

Keywords: judicial power, judicial interpretation, judicial norm control, constitutional control.

Обязательным признаком современных демократических государств является установленная основным законом система разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Как показывает история, реальная независимость и самостоятельность государственных органов, функционирующих в рамках определенной ветви власти, несмотря на многочисленные конфликты между ними, все же позволяет эффективно решать

большинство задач, стоящих перед государством, в том числе по обеспечению прав и интересов как отдельных граждан, так и общества в целом.

Однако важным элементом системы разделения властей, обеспечивающим до определенной степени стабильность ее функционирования, является реализация судами нормоконтрольных полномочий в отношении нормативных правовых актов, принимаемых органами законодательной и исполнительной власти. По меткому замечанию Г.А. Гаджиева «критерий качества закона – это судебная практика» [1]. Действительно, неясность, неопределенность и противоречивость правовых норм порождают проблемы их применения. Если же такими нормами устанавливаются правила поведения, призванные регулировать объективно конфликтные общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью удовлетворения жизненно важных потребностей граждан, общества и государства, то многочисленные судебные споры и проблемы правоприменения, возникающие у судов при их разрешении, неизбежны.

В эпоху постоянного увеличения общего количества нормативных правовых актов и их бесконечного изменения, значение деятельности органов судебной власти по выявлению и устранению дефектов законодательства в целях обеспечения его устойчивости, стабильности, разумности, сбалансированного отражения интересов личности, общества и государства, трудно переоценить.

Целью настоящего исследования является анализ закрепленных в российском законодательстве правовых возможностей преодоления дефектов нормативных актов, которые могут быть реализованы в рамках деятельности органов судебной власти Российской Федерации.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и ст. 1 Федерального конституционного закона № 7-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей, посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [9].

Таким образом, единственной правовой формой, в рамках которой суды имеют возможность преодолевать или устранять дефекты законодательства в установленной системе сдержек и противовесов, является рассмотрение и разрешение ими конкретных конституционных, гражданских, арбитражных, административных или уголовных дел. Анализ процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство правовых конфликтов подлежит рассмотрению и разрешению в судах общей юрисдикции. По сравнению с потенциально широким охватом гражданских, уголовных и административных дел, компетенция арбитражных судов в основном связана с рассмотрением споров или неопределенных правовых ситуаций, возникающих при осуществлении предпринимательской или иной экономической деятельности, а также в связи с реализацией различными государственными органами контрольных функций в отношении субъектов такой деятельности.

Как представляется, при осуществлении правосудия по отнесенным к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов делам, преодолению

ние или устранение дефектов законодательства, возможно с помощью двух способов. Во-первых, в рамках судебного толкования (интерпретационной деятельности), результаты которого отражаются в мотивировочной части судебного акта. Во-вторых, в результате рассмотрения заявлений об оспаривании различных нормативных правовых актов.

При рассмотрении и разрешении от имени государства различных дел суды обеспечивают принудительную реализацию норм материального права, содержащихся в различных нормативных правовых актах. Одним из базовых требований ко всем актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов является их законность. Поэтому разрешая конкретное дело, судья обязан соотнести установленные им в результате доказательственной деятельности конкретные обстоятельства реальной действительности с их описаниями, содержащимися в гипотезах и диспозициях правовых норм. Таким образом, суды попросту обречены на преодоление различных недостатков правовых норм путем их толкования. Объективная сложность и многоаспектность этого процесса лежит в основе многочисленных научных исследований и дискуссий.

Требование определенности содержания правовых норм было сформулировано Конституционным судом Российской Федерации еще в 1995 г. [10] в качестве конституционного требования к качеству закона и получило довольно подробное научно теоретическое обоснование. Между тем, в литературе существует мнение, согласно которому неопределенность является неотъемлемым свойством права в целом и правовой нормы в частности [8, с. 377–378]. Действительно, помимо откровенных юридико-технических ошибок законодателя существуют и объективные причины, обуславливающие значительную сложность или даже невозможность конкретизации правовых предписаний. Так, если общественные отношения характеризуются нестабильностью, то применение абстрактной методологии изложения нормативно-правовых актов является вполне естественным. При этом нормы, изложенные абстрактным способом, более аморфны и, соответственно, более адаптивны [2, с. 21]. Значение судебной интерпретации подобных норм трудно переоценить.

Обеспечивая единство судебной практики, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), содержат наиболее общие результаты судебного толкования применительно к различным категориям гражданских, уголовных, административных и арбитражных дел, устраняя правовую неопределенность путем конкретизации правовых норм, восполнения пробелов и разрешения законодательных противоречий. Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в одном из своих постановлений, не утративших своей актуальности и после исключения из Конституции РФ ст. 127, и объединения высших судов, право Высшего Арбитражного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права арбитражными судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Осуществление этого правомочия объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых по-

ложений законодательства. Отрицание права давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции, означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов [11].

Однако в последнее десятилетие дефекты законодательства приобретают все более общий, системный характер. Значительная часть современных законов не имеет самостоятельного предмета и лишь вносит изменения и дополнения в ранее принятые законы, а потому не всегда согласуется с существующей концепцией закона. Законодательство страдает неопределенностью правовых предписаний в виде неоднозначности, «размытости» формулировок, отсутствия единообразия в употреблении юридических терминов в системе законодательства, отсутствием механизма реализации закрепленных норм [6, с. 42]. Возможности традиционного судебного толкования по преодолению подобных дефектов весьма ограничены. Их эффективное устранение возможно прежде всего путем внесения изменений в действующие нормативные акты, но чаще всего подготовкой новых актов или глубокой переработкой действующих и принятием их в новой редакции. Изучая и обобщая судебную практику по различным категориям дел, суды, безусловно, располагают информацией не только о юрико-технических дефектах отдельных норм, содержащихся в статьях различных нормативных актов, но и о существенных недостатках этих актов в целом. Однако подобные дефекты выявляются судами не целенаправленно: основной их задачей было и остается рассмотрение и разрешение дел на основе норм, подлежащих применению в конкретном деле. Кроме того, Конституция РФ наделяет высшие суды правом законодательной инициативы только по вопросам их ведения (ч. 1 ст. 104), а значит нормотворческая компетенция ВС РФ ограничена сферой прежде всего процессуального законодательства.

Вторым возможным способом устранения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дефектов законодательства является осуществление уже упоминавшейся функции нормоконтроля в рамках действующей системы сдержек и противовесов, закрепленной в Конституции РФ.

В соответствии со ст. 17 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных публичных полномочий [12]. В ст. 20 и 21 КАС РФ определено, что судами субъектов Российской Федерации, ВС РФ рассматриваются административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, соответственно представительных органов муниципальных образований, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, Президента, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных органов. Арбитражный процессуальный

кодекс Российской Федерации наделяет аналогичной компетенцией только Суд по интеллектуальным правам (п. 1.1 и 1.2 ст. 29) [13].

Несомненным достоинством этой процедуры является возможность суда проверить не только отдельные нормы оспариваемого нормативного акта, но и акт целиком. Между тем, анализ норм КАС РФ, регламентирующих порядок рассмотрения судами административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов, позволяет прийти к выводу об ограниченности правовых возможностей судов по выявлению дефектов законодательства и их устранению.

Прежде всего, это связано с установлением исчерпывающего перечня лиц, которые вправе обратиться в суд с подобным заявлением. Согласно ст. 208 КАС РФ таким правом, помимо традиционного перечня государственных, муниципальных органов и должностных лиц, наделены лица, в отношении которых применен акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым актом. Общественные объединения вправе оспаривать нормативные акты только в связи с защитой прав и интересов своих членов и только в случаях, предусмотренных федеральным законом. Кроме того, основным условием обращения в суд обозначенных субъектов является установленная ст. 209 КАС РФ обязанность обосновать, какие права, свободы и законные интересы нарушены, или существование реальной угрозы их нарушения. Указанные обстоятельства истцы обязаны доказать. В административном исковом заявлении также необходимо указать наименование и отдельные положения нормативного правового акта, который имеет большую юридическую силу и на соответствие которому надлежит проверить оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части. Однако суд не связан основаниями и доводами заявления и в любом случае обязан проверить наличие компетенции у соответствующего органа или лица на принятие акта, соблюдение установленных требований к процедуре его принятия, форме и виду, а также к порядку вступления оспариваемого нормативного правового акта в силу. К тому же суд, не ограничиваясь указаниями истца, обязан проверить соответствие оспариваемого акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу (ч. 7 и 8 ст. 213 КАС РФ).

По результатам рассмотрения административного дела суд согласно ст. 215 КАС РФ может признать оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части не действующим со дня его принятия или с иной определенной им даты. Основанием для такого решения является установление несоответствия такого акта нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

Таким образом, даже если суд обнаружит, к примеру, явное несоблюдение баланса публичных и частных интересов либо невозможность с помощью оспариваемого нормативного правового акта реализовать цели, для которых он принят, но при этом не установит его формального несоответствия актам, имеющим большую юридическую силу, то, несмотря на закрепленный в ст. 9 КАС РФ принцип справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел, он не вправе прекратить действие оспоренного нормативного правового акта.

Подобная ситуация вполне объяснима, поскольку описываемая судебная процедура изначально предназначена прежде всего для обеспечения единства правового пространства на всей территории Российской Федерации и верховенства федерального законодательства, а не его качества, а также для обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей. По этой же причине, законы Российской Федерации, федеральные законы, федеральные конституционные законы не могут быть проверены даже ВС РФ. Остается непонятным исключение из его компетенции полномочий по проверке законности актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, принимаемых Президентом и Правительством Российской Федерации. Видимо предполагается, что таких актов не существует.

В любом случае в рамках рассматриваемого способа устранения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дефектов законодательства, результаты деятельности федерального законодателя не подлежат нормоконтролю со стороны указанных судов, а значит и здесь возможности судов существенно ограничены. Однако, как показывает практика, количество всевозможных недостатков именно федеральных законов год от года только увеличивается.

Единственным судебным органом, обладающим полномочиями, направленными в том числе, на устранение дефектов федерального законодательства, является КС РФ, который в соответствии с ч. 1 ст. 125 Конституции РФ осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны. По результатам рассмотрения дела в соответствии со ст. 80 Закона о Конституционном Суде в случае, если решением КС РФ закон признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо в данном судом истолковании закона вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании, то Правительство РФ обязано принять меры для разработки проекта закона, которым устраняются выявленные нарушения и внести его на рассмотрение Государственной Думы.

Анализ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [14] (далее – Закон о Конституционном Суде) позволяет выделить также два способа конституционного нормоконтроля, не равнозначных по своим возможностям в части преодоления или устранения дефектов прежде всего федерального законодательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции РФ КС РФ разрешает дела о соответствии основному закону нормативных правовых актов Российской Федерации, уставов субъектов Российской Федерации, и законов субъектов, принятых по вопросам совместного ведения. Принятие поправок к Конституции РФ, повлекло внесение ряда изменений и в Закон о Конституционном Суде [15], в том числе в части возможности проверки на соответствие Конституции РФ проектов федеральных конституционных и федеральных законов (новая гл. XVII).

Однако рассмотрение судом указанных дел возможно только при наличии предусмотренных в ст. 36 Закона о Конституционном Суде поводов и оснований. Поводом к рассмотрению в данном случае является обращение в форме

запроса, правом на подачу которого обладают государственные органы, прямо предусмотренные в Конституции РФ и ст. 84 Закона о Конституционном Суде. Здесь необходимо отметить, что в последнее десятилетие проекты федеральных законов вносятся на рассмотрение Государственной Думы во многих случаях Президентом и Правительством Российской Федерации. Законопроекты, внесенные депутатами или сенаторами, будучи одобренными Государственной Думой в первом чтении, нередко подвергаются серьезной доработке с помощью поправок, предложенных опять же Администрацией Президента РФ или Правительством РФ. Таким образом, вступление федерального закона в силу в большинстве случаев означает, в том числе, что по всем вопросам его принятия позиции законодательной и исполнительной власти, а также Президента РФ согласованы. По этой причине проверка конституционности федеральных законов по инициативе обозначенных государственных органов явление довольно редкое. В случае же возникновения такой необходимости, соответствующий запрос направляется в КС РФ от имени органа законодательной или исполнительной власти какого-либо субъекта Российской Федерации. В целом практика КС РФ показывает, что государственные органы, в том числе и ВС РФ, с осторожностью пользуются своими полномочиями на обращение с запросом.

Однако для возбуждения такого дела в КС РФ необходимо и наличие основания для проверки. В ст. 36 Закона о Конституционном Суде в качестве такого основания обозначена обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ закон (проект закона), иной нормативный акт. При этом согласно ст. 85 Закона запрос допустим, если заявитель считает оспариваемый акт не подлежащим действию из-за его неконституционности. В самом же обращении должна быть изложена позиция заявителя по поставленному им вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции РФ (ст. 37).

Закон о Конституционном Суде по аналогии с КАС РФ также устанавливает пределы проверки оспариваемого нормативного акта, но исключительно на предмет соответствия Конституции РФ.

Наибольшим потенциалом по выявлению и устранению дефектов, прежде всего федеральных законов, обладает, конечно же, проверка соответствия содержания норм закона положениям Конституции РФ. В силу особого характера норм основного закона нашей страны, проверка на соответствие ему всех остальных правовых норм предполагает оценку многих их качественных характеристик. При этом, если для судов общей юрисдикции установление соответствия оспариваемого акта сформулированному в конституционно-правовой доктрине и отраженному в целом ряде позиций Конституционного Суда принципу правовой определенности важно прежде всего в рамках обеспечения иерархии норм, то выявление дефектов закона, связанных с несоблюдением данного принципа, самим КС РФ может служить основанием для признания закона недействующим полностью или в части. Как отмечает Н.С. Бондарь, КС РФ, «по своему предназначению в государственно-правовой системе призван обеспечивать (контролировать) конституционно обусловленный уровень определенности за-

конодательства, а также – в меру своих полномочий – ликвидировать издержки законотворческого процесса и законодательного регулирования» [4].

Представляется, что существенным процессуальным ограничением возможностей конституционного нормоконтроля являются требования ст. 74 Закона о Конституционном Суде, согласно которой КС РФ принимает постановления и дает заключения только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которого подвергается сомнению в обращении. Таким образом, применительно к рассматриваемому способу нормоконтроля, пределы проверки определяются заявителем, а КС РФ, несмотря на свою не связанность основаниями и доводами, изложенными в обращении, выйти за эти пределы не вправе. Поэтому даже если вышеуказанные государственные органы и обращаются в КС РФ, то предмет их обращения предельно конкретен и, как правило, учитывает ранее обозначенные позиции суда.

Вторым и наиболее востребованным в настоящее время способом конституционного нормоконтроля является рассмотрение дел о конституционности нормативных правовых актов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод. Количество таких обращений постоянно растет, что не в последнюю очередь зависит от качества федерального законодательства. На наш взгляд, в связи с последними изменениями, внесенными вышеуказанным Федеральным конституционным законом главная особенность данной судебной процедуры заключается в том, что КС РФ фактически выполняет функцию высшего судебного органа страны по отношению к судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Основной целью обращения в суд для заявителей является естественно не обнаружение и устранение дефектов федеральных законов, а последующий пересмотр судебных актов, принятых по делам с их участием.

Положительным моментом изменений является существенное расширение круга лиц, обладающих правом на обращение в суд. Так, в соответствии с новой редакцией ст. 96, таким правом, помимо граждан, обладают юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления. В интересах граждан и юридических лиц в суд могут обращаться Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, его коллеги в субъектах Российской Федерации, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, а также в соответствии с федеральным законом общероссийские организации.

Вместе с тем, федеральный законодатель существенно ужесточил требования к условиям обращения в суд. Так Г.А. Гаджиев в качестве одного из слабых мест концепции конституционного судопроизводства обозначил возможность действия и применения неконституционного закона в течение определенного периода после его принятия, пока не состоится соответствующее решение КС РФ. При этом, по мнению автора, чтобы сократить этот срок и тем самым уменьшить срок действия неконституционной нормы, в ст. 125 Конституции РФ предусмотрительно установлено, что КС РФ проверяет конституционность закона, примененного или еще только подлежащего применению в конкретном деле [1]. Однако новая редакция данной статьи исключает эту предусмотрительность. Сформулированный на ее основе п. 3 ст. 97 Закона о Конституцион-

ном Суде в качестве условия обращения в суд предусматривает исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в КС РФ, при разрешении конкретного дела. Таким образом, чтобы федеральный закон стал предметом рассмотрения КС РФ, необходим не только факт нарушения конкретных прав и свобод заявителя по аналогии с гражданским и арбитражным процессуальным законодательством. Нарушение должно быть предметом судебного разбирательства соответствующего суда общей юрисдикции или арбитражного суда. Заявителем также должны быть реализованы все процессуальные возможности по обжалованию решения, основанного на оспариваемых нормах, в максимально высокой для соответствующей категории дел судебной инстанции.

С одной стороны, такой подход, возможно, приведет к сокращению количества обращений в КС РФ. Однако, исходя из установленных в процессуальном законодательстве сроков рассмотрения дел в суде первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, с момента вступления в силу федерального закона и до признания его статей неконституционными, пройдет не менее полутора лет, при условии исключительной грамотности, финансовой состоятельности и расторопности заявителя. Кроме того, как неоднократно отмечал сам КС РФ, принятие им соответствующего постановления или определения является основанием пересмотра решений, принятых только в отношении заявителя. Такой подход обусловлен целями соблюдения баланса принципов правовой определенности, стабильности гражданского оборота и справедливого судебного разбирательства, несовместимого с ошибочным судебным актом [16]. В свою очередь он означает, что для всех остальных граждан и юридических лиц пересмотр и отмена решений, принятых по их делам, возможны только в случаях, когда не истекли сроки на кассационное или надзорное обжалование этих решений или имеются основания для их восстановления.

В результате федеральный законодатель, при создании различных общеобязательных правил поведения, даже при очевидности их противоречия основному закону страны, может рассчитывать как минимум на два года их действия. При этом ущерб, причиненный применением таких норм, будет возмещен государством только определенным лицам.

Представляется, что ограниченность условий обращения с жалобой определяет и пределы толкования КС РФ Конституции РФ и оспариваемого закона. Как известно, юридическая сила решений КС РФ как своеобразных источников права определяется выраженными в них правовыми позициями. При исследовании нормативно-доктринальной природы правовой позиции, Н.С. Бондарь определил ее как основополагающую или важную правовую идею, сформулированную судом по итогам рассмотрения дела, которая может быть выражена в концентрированном виде как в качестве отдельного положения, так и (чаще всего) представляющая собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения КС РФ [3, с. 82].

Однако пределы формирования позиций КС РФ установлены законодательно. В соответствии со ст. 74, 96 и 97 Закона о Конституционном Суде КС РФ по жалобам проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены в деле заявителя, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу или сложившейся правоприменительной практикой, а также учитывая его место в системе правовых актов, и принимает постановление только по предмету, указанному в обращении [17].

Таким образом, как и суды общей юрисдикции, КС РФ при рассмотрении конкретного заявления, выявляя конституционно-правовой смысл оспариваемых норм закона, также связан фактическими обстоятельствами конкретного дела, для разрешения которого эти нормы применялись, и не вправе оценивать на предмет соответствия Конституции РФ другие взаимосвязанные нормы закона, а тем более закон в целом.

Как представляется, ограниченность процессуальных возможностей КС РФ по толкованию Конституции РФ и федерального законодательства – одна из причин довольно медленного развития конституционно-правовой доктрины в отношении принципа правовой определенности, соблюдение которого федеральным законодателем является показателем качества и эффективности его деятельности. На основе правовых позиций КС РФ, сформулированных по конкретным делам, пока еще сложно однозначно квалифицировать многие недостатки федерального законодательства как дефекты, требующие обязательного устранения. Сам КС РФ неоднократно сталкивался с необходимостью корректировки некоторых своих позиций, на что уже обращалось внимание в литературе [7]. Прецедентный характер постановлений КС РФ не позволяет в полной мере реализовать иные, помимо позитивистского, подходы к правопониманию, в результате чего даже некоторые решения КС РФ вызывают сомнения с позиции соблюдения баланса конституционных ценностей, баланса публичных и частных интересов.

Настоящее исследование демонстрирует, что предусмотренные в законодательстве способы осуществления судебной деятельности имеют своей основной целью разрешение конкретных правоприменительных ситуаций. Выявление же недостатков применяемых нормативных правовых актов, их устранение с помощью различных способов толкования, будучи важной содержательной частью работы судов, также направлены на обеспечение рассмотрения и разрешения конкретных дел. Такая ситуация не в последнюю очередь связана с советскими правовыми традициями, предполагающими стабильность законодательства, невозможность формулирования судами новых правил поведения, а также неограниченную свободу усмотрения законодателя в установлении общеобязательных правил поведения. Несмотря на принципиальные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в нашей стране, расширение контрольных функций органов судебной власти, указанные традиции продолжают существовать и поддерживаться. Отсутствие у ВС РФ не столько нормоконтрольных полномочий в отношении федеральных законов,

сколько правовой возможности обращать внимание федерального законодателя на недостатки, выявленные в ходе осуществления правосудия, требующие, по его мнению, внесения соответствующих изменений в нормы материального права, прямое тому подтверждение.

Проведенный анализ отдельных процессуальных особенностей конституционного судопроизводства также позволяет прийти к выводу о нежелании федерального законодателя ограничивать свою свободу в реализации своих полномочий. Поэтому в сферу конституционного правосудия попадает лишь малая часть нормативных правовых актов, при выявлении дефектов которых КС РФ прекращает их действие или устраняет недостатки путем выявления конституционно правового смысла оспариваемых норм, либо указывает на необходимость их законодательного устранения. В литературе неоднократно указывалось на необходимость соблюдения КС РФ принципа самоограничения при осуществлении конституционного контроля, особенно в части взаимоотношений с законодательной властью и вторжением в сферу ее компетенции [3, с. 85]. Однако последние изменения, внесенные в Закон о Конституционном Суде, в том числе усиливающие прецедентный характер конституционного нормоконтроля, отодвигают вопрос о самоограничении на второй план. Сегодня отношения в системе разделения властей таковы, что «...парадоксальным образом орган, призванный защищать Конституцию РФ, в том числе от «продуктов» законотворческой деятельности парламента, сам оказывается совершенно беззащитен от такой «деятельности» [5].

Как представляется, ограниченные контрольные полномочия органов судебной власти в системе сдержек и противовесов гарантируют не только свободу, но и фактическую бесконтрольность федерального законодателя, что в свою очередь, приводит к оторванности многих норм Конституции РФ от федерального законодательства, призванного прежде всего обеспечивать их реализацию.

Список использованной литературы

1. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16–28.
2. Болдырев С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 45 с.
3. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75–85.
4. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–11.
5. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 12–22.

6. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // LEX RUSSIA. – № 10. – 2018. – С. 40–49.

7. Нарутто С.В. Роль Конституционного суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 11. – С. 64–70.

8. Рахматуллина З.З. Неопределенность правовой нормы как технико-юридический прием правотворчества // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : материалы науч.-практ. конф., сост. 13–16 апр. 2009 г. в Рос. акад. правосудия / отв. ред. В.М. Сырых, М.А. Занина. – Москва : Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 375–382.

9. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

10. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой Л.Н. Ситаловой : постановление Конституц. Суда РФ от 25.04.1995 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».

11. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ Карболит», «Завод Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» : постановление Конституц. Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

14. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

15. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституц. закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7196.

16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абидуева Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 10.10.2013 г. № 1496-О // СПС «КонсультантПлюс».

17. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : постановление Конституц. Суда РФ от 10.04.2003 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Девицкий Эдуард Иванович – кандидат юридических наук, доцент, директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 010206@bgu.ru.

Author

Eduard I. Devitsky – Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Studies of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: 010206@bgu.ru.